

Психологические угрозы профессиональному будущему субъекта профессиональной деятельности*

ЗАВОДЧИКОВ

Дмитрий Павлович,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии
образования Российского
государственного профес-
сионально-педагогического
университета,
Екатеринбург

Аннотация

В статье на основе анализа изменений квалификационных требований, развивающихся технологий и тенденций развития производительных сил, транслируемых профессиональными, научными и образовательными сообществами, формулируется перечень возможных психологических угроз профессиональному будущему субъекта трудовой активности

Ключевые слова:

профессия, технологический уклад, цифровизация, социально-профессиональная среда, профессиональная идентичность, профессиональное будущее, субъект

Сегодня общепризнанным является суждение о том, что система профессионального образования не готова к воспроизводству профессиональных кадров для новых социально-экономических и технологических условий. В ситуации неопределенности, динамичности социально-профессиональной среды утрачивается целевой вектор развития для системы профессиональной подготовки. Возникают сложности в определении задач и критериев успешности их решения, прогнозирование результатов в долгосрочной перспективе становится туманным, а изменение нормативных требований опирается во многом на конвенциональные положения и невнятные условия их соблюдения. В итоге все сводится к поиску стратегических ориентиров научно-технологического развития, системы профессионального образования и их экономической поддержки.

Отметим, что в гуманитарном аспекте проблема намного шире, чем определение подходов и измерение эффективности воспроизводства квалифицированных кадров в масштабах государственных систем. Ожидаемое качественное преобразование всех сфер жизни под влиянием технологий нового уклада ставит под угрозу сложившиеся экономические, профессиональные и социальные структуры, связанные с производством как материальных, так и нематериальных ценностей, а соответственно и место профессиональной деятельности в жизни человека. Традиционные для психологии концепции субъекта таких масштабов изменений не предусматривали [1], хотя методологическое осмысление категории «субъект» предполагает все поле жизни человека или все формы его самоосуществления [4], в том числе профессионально-образовательное.

Прежде чем обозначить данные угрозы, коротко охарактеризуем текущую ситуацию в технологическом и социальном аспектах с концептуальных позиций.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01119а «Субъективный образ профессионального будущего на этапе профессиональной подготовки».

Заводчиков Д. П. Психологические угрозы профессиональному будущему субъекта профессиональной деятельности // Профессиональное образование и рынок труда. — 2019. — № 2. — С. 18–26.

Наиболее устоявшейся, подтвержденной экономически и соотносимой с историческим опытом является концепция технологического уклада [10; 13]. Согласно ей сегодня осуществляется переход от пятого уклада к шестому, в котором ключевыми технологиями являются нано-, био-, информационные и когнитивные, а в прогнозе их конвергенция, которая приведет к качественному и количественному изменению производимых общественных благ. Отметим, что сами технологии уже существуют, но их прогнозируемое развитие не совпадает с ожидаемым. Например, генная модификация однозначно является частью биотехнологий, однако блага, получаемые на основе развития данной технологии, пока ограничены, применяются в основном в сельском хозяйстве и медицине, где их использование вызывает общественное опасение и ставит сложные этические вопросы.

Согласно этой концепции, принимая во внимание исторические факты, у общества в целом и отдельных государств есть опыт качественного преобразования производственной сферы, социально-экономического и политического строя в рамках смены технологических укладов (переход от ремесленного производства к мануфактурному, индустриализация), сопровождавшийся социальными напряжениями и потрясениями (бунт, революция, гражданская война и т. п.). Однако следует принять во внимание, что это были развернутые в историческом времени события и процессы. Прогнозируемые же изменения, связанные с шестым технологическим укладом, а тем более с прогнозируемым седьмым, оказываются быстрыми в историческом времени, нелокальными, мировыми по масштабам и практически непредсказуемыми по экологическим, социальным и технологическим последствиям.

Второй концепцией, описывающей будущее, связанное с качественным преобразованием жизни общества на основе определенной суммы технологий, является идея четвертой промышленной революции, озвученная на 16-м Международном экономическом конгрессе в Давосе в 2016 году [19]. Согласно ей ключевым изменением вследствие развития существующих технологий (промышленной робототехники, автоматизации, интеллектуальных систем, транспорта и логистических схем) станет киберфизический способ производства, т. е. полностью автоматизированные настраиваемые системы производства материальных благ. Акцент в данной концепции делается на качественных благоприятных изменениях в жизни общества вследствие внедрения и развития новых технологий. Однако вытеснение субъекта из процесса производства как материального, так и нематериального продукта создает угрозу преобразования общественных отношений вплоть до коллапса существующей социально-экономической системы.

Третья концепция — цифровизации [16; 18] — скорее выступает как констатация достижений пятого технологического уклада в области развития систем связи, сбора, хранения, автоматической обработки и использования информации, а также применения этих систем в разных аспектах общественной жизни. Шестой технологический уклад как взаимное усиление когнитивных и информационных технологий в эту концепцию вписывается в виде создания и функционирования интеллек-

туальных систем, для разработки и обслуживания которых требуются подготовленные специалисты. Цифровизация и ее стратегические решения носят скорее экономический, прикладной характер, в котором члену общества, субъекту, соответствует его цифровая часть. Здесь возникают угрозы и проблемы цифрового характера: сохранение приватности, авторские права, кража цифровой личности и т. п.

Обобщая производственные, экономические и социально-психологические проблемы с позиций всех трех подходов, обозначим сначала то, что можно назвать фоном, общими проблемами для любых сообществ или даже человечества в целом. Их можно определить как закономерности и следствия развития технологий в условиях глобализации.

Во-первых, с развитием новых технологий и производств возникают проблемы и угрозы глобального масштаба (экологические, экономические, психологические и др.), решение которых отсутствует в историческом опыте или требует интеграции научных подходов и определенного отношения. В основе угроз такого рода лежит уязвимость сложных технологий и их продукта (технологические катастрофы), хотя с позиций классической психологии труда слабым звеном СЧМ (систем „человек — машина“) выступает именно человек. Кроме того, упрощение в работах со сложными продуктами за счет информационных технологий создает угрозы их нерационального, а то и злонамеренного использования (например, генетическая модификация вируса). Все это обостряет проблемы обеспечения разного рода безопасности в масштабах организаций, отраслей, страны, мира.

Во-вторых, развитие транспортной и информационной инфраструктуры на основе взаимодействия и конкуренции национальных экономик формирует новое качество мировой экономической системы — ее не локальность, которую хорошо иллюстрируют мировые экономические кризисы. Цифровизация экономической сферы, создание цифровых инфраструктур разных сторон жизни, помимо удобства и скорости общественных процессов, вносят вклад в непредсказуемость и нестабильность экономики, когда ее виртуальная часть не обеспечена материальными продуктами или процессами, может подвергаться инфляции, манипуляции или прямой фальсификации. Экономическая и общественно-политическая неустойчивость возникает в информационном обществе и как следствие того, что малые группы или даже отдельные люди становятся способными оказывать существенное воздействие на общественное сознание и процессы — как позитивное (лидеры общественного мнения, визионеры будущего), так и негативное (радикальные группировки, хакеры и т. п.).

В-третьих, преимущества для общественных систем, в частности государств, представляемые уровнем технического развития, в течение XX века обострили конкуренцию в области инновационного производства и управления, технологий и производственных процессов — с одной стороны. С другой стороны, научная и практическая деятельность, направленная на достижения, требует координации, взаимодействия, способности находить пользу и компромисс в отношениях при реализации сложных, наукоемких, трудоемких для общества задач (например,

освоение ближнего космоса, экологический мониторинг в планетарных масштабах или создание и работа Большого адронного коллайдера).

Еще одним фактором, зачастую недооцениваемым, является общественное сознание как отношение социальных общностей и групп, общества в целом к техническому прогрессу, новым технологиям и их возможностям. Здесь можно отметить, что вера в научно-технический прогресс, озвучиваемая в начале XX века, конечно, поддерживается за счет его достижений, но постепенно обрастает негативным содержанием (оружие массового поражения, нарушение экологии и т. п.). Усложнение самих технологий приводит к их непониманию и отторжению. На фоне динамичных и стрессогенных социальных условий жизнедеятельности в конечном итоге формируется крен в сторону иррационализации общественного сознания, а новейшие технологии «демонизируются», как, например, ГМО или нанотехнологии («серая слизь»).

Эти положения можно назвать основными исходными данными для определения ключевых трендов развития производительных сил в целом и субъекта труда в частности. В качестве основных можно выделить следующие.

1. В течение XX века произошло существенное расслоение производительных сил по профессионально-квалификационному признаку на основании сложности профессиональной деятельности, времени ее освоения и требуемой квалификации. Например, в английском языке для обозначения занятости используются как минимум три термина, характеризующих не только контекст употребления, но и определенные квалификационные требования к субъекту: *job*, *occupation* и *profession*. Кроме того, в аспекте социально-экономического регулирования постоянно возникает проблема адекватного квалификационного и экономического представления множества профессий. Это расслоение обуславливает также разделение по уровням и способам профессиональной подготовки, очень незначительная часть профессий в целом вписана в системы профессионального образования, так называемые учебные профессии.

2. В течение XX века происходит устаревание квалификационной основы производительных сил. Несмотря на усилия в области модернизации, мониторинга, стратегического планирования и рыночной регуляции, воспроизводятся кадры для устаревших профессий, медленно обновляется технологическая основа обучения, небыстро институционализируются новые профессии и т. п. В основе такого положения дел не только общественные, экономические и внутривластные отношения, но и инертность воспроизводства субъекта деятельности в динамичной социально-профессиональной среде. Высокая квалификация является продуктом длительной профессионализации и осуществляется не только на этапе профессиональной подготовки, но и на этапе включения в профессиональную среду, выполнения профессионального труда, профессионального становления и развития субъектности в профессиональной деятельности. Неопределенность и динамичность среды в таких сложных процессах накладывает в основном негативный отпечаток в виде неустойчивых ценностей и смыслов, несформированности операциональной стороны деятельности, частую смену вектора профессионального развития.

3. Со становлением информационного общества, телекоммуникационных технологий и современной информационной среды воспроизводство не только высококвалифицированных кадров, но и всех остальных осуществляется в условиях, которые можно обозначить как «информационная инфляция», т. е. обесценивание знания несмотря на его рост, в первую очередь количественный. К информационной инфляции можно отнести непосредственно сверхбыстрое обновление профессионального знания, которое утрачивает значение и ценность, возможность свободно и практически в неограниченных объемах использовать его не осмысливая (копипаст), накопление и постоянное потребление «мусорного знания» и т. п.

4. Становление индустриального производства, индивидуализация продукта промышленного производства, развитие сельского хозяйства и производства продуктов потребления, повышение качества жизни в развитых странах приводят к характеристике распределения общественных благ, еще в начале XX века обозначенной как общество потребления [5]. Совместно со становлением информационного общества это приводит к перераспределению рынка рабочей силы и соответственно воспроизводства производительных сил. В секторе производства материальных благ остается все меньше занятых, субъект постепенно вытесняется технологией и автоматизированными системами. Значительная часть рабочей силы становится востребованной в сфере услуг, индустрии развлечений, работе с информацией, управлении социальными отношениями и процессами. Следует признать, что в массе это менее квалифицированные и менее затратные в плане приобретения квалификации рабочие места с постоянной доступностью и востребованностью.

5. В связи с дифференциацией социально-профессиональной среды, квалификационных требований и уровней подготовки, формированием множества альтернатив в выборе образа жизни и возможности профессионального и образовательного выбора нарастает потребность в самообразовании и профессиональном самоопределении, которое затрудняется отсутствием или слабой представленностью их психологически обоснованных моделей и соответствующих им институционализированных общественных практик. Эта потребность начала осознаться в 70-х годах XX века с возникновением консультационных бюро по выбору профессии за рубежом, а в нашей стране — с исследованием процессов профессионального самоопределения. Несмотря на исследования, практики психологического содействия профессиональному самоопределению и профессиональному становлению как системы и эффективного социального института пока не существует [3; 17].

Представленный фон и тенденции развития производительных сил с учетом прогнозов достижений новых технологий создают, помимо политических, экономических, научных и иных проблем, еще и психологические угрозы, которые ощущаются, но не всегда осознаются субъектом, социальными группами, общественными и государственными институтами в прогнозе и перспективе.

Исходным положением здесь выступает угроза реального исключения человека как субъекта профессиональной деятельности из множества

производственных и обслуживающих видов деятельности. В целом для материального производства это естественный процесс автоматизации операций, процессов и решения производственных задач, однако киберфизические системы не просто меняют роль и место человека в производственном процессе, но и угрожают оставить ему только функции управления в целом и целеполагания. Сфера оказания услуг уже во многом автоматизирована и/или цифровизирована. Мало того, интеллектуальные системы на основе самообучающихся нейронных сетей активно развиваются и в потенциале претендуют на решение сложных профессиональных задач в интеллектуальной (например, постановка медицинского диагноза) и творческой деятельности (написание публицистического или даже художественного текста). Следует отметить, что по историческим меркам это хотя и быстрый, но не мгновенный процесс. Под новые технологии требуется материальная база, отличная от предшествующей, новая инфраструктура, кроме того, присутствует как лоббирование, так и сопротивление профессиональных и иных сообществ, и т. д. Так что в целом есть временные возможности для осмысления, анализа, рефлексии и прогноза профессий и навыков будущего [2; 3; 14].

Если мы рассматриваем профессиональное будущее субъекта как формируемое актуальными и прогнозируемыми трудовыми и производственными отношениями, транслируемыми обществом, обладающим характеристикой неопределенности, с одной стороны, а с другой — предвосхищаемое, прогнозируемое и осуществляемое как личный профессиональный план субъекта [6; 7; 9; 12], то подобное положение дел выглядит как целый ряд психологических угроз.

1. Угроза благосостоянию субъекта, приобретаемому в ходе реализации трудовых и профессиональных отношений, вследствие его исключения киберфизической или интеллектуальной системой, т. е. постоянная угроза потери работы.

2. Непредсказуемость и неопределенность профессионального будущего, устойчивый образ которого невозможно создать в условиях неопределенности социально-профессиональной среды.

3. Утрата смыслов и целей трудовой и профессиональной деятельности в существующей системе трудовых и профессиональных отношений, которые невозможно сформировать или сохранить в условиях неопределенности.

4. Утрата или невозможность сформировать профессиональную идентичность вследствие размывания области профессиональной деятельности: постоянное обновление технологий, интенсификация труда, изменение профессиональных задач и функций, отсутствие устойчивых образцов успешности профессиональной деятельности и личности профессионала.

5. Быстрое, если не мгновенное, обесценивание приобретенного профессионального знания и квалификации, сопровождаемое ощущением потери времени и усилий, потраченных на их освоение.

6. Нарастание напряжения в области этики и эстетики отношений и коммуникации в трудовой и профессиональной деятельности, связанной со взаимодействием интеллектуальных систем и человека.

7. На ранних ступенях развития профессиональной субъектности возможно развитие комплекса неполноценности, связанного с масштабами и скоростью решения экспертных задач интеллектуальными системами.

Скорее всего, это неполный перечень психологических угроз для субъекта профессиональной деятельности. Можно предположить, что будут изменяться сложившиеся механизмы становления личности и субъектности, в которых освоение деятельности, ее результативность и успешность вносят существенный, если не ключевой вклад в формирование самооценки, самоотношения и самопрезентации взрослого человека. Иными словами, исключение человека из трудовой деятельности в таких масштабах инициирует проблемы идентичности [8] и карьеры как жизненной задачи личности в современном обществе [21].

Если попытаться в самых общих чертах прогнозировать, каким именно образом человеку как субъекту удастся сохранить себя в сфере профессионального труда, то это возможно только на основе универсальности человеческой психики, ее самоорганизации, интеграции процессов мышления и воображения в теоретической и прикладной деятельности, способности к многозадачности, параллельному развитию способностей, свойств и качеств в разных видах активности [9]. Иными словами, только за счет уникальности субъективного жизненного и профессионального опыта.

В свете угроз можно рассматривать стихийно или сознательно формирующиеся направления в общественных практиках, направленные на их элиминацию, профилактику или снижение негативных последствий.

1. На разных уровнях осуществляется активное научное, общественное, нормативное осмысление самих технологий, их возможностей, анализ результатов их применения и последствий внедрения (в том числе прогнозирование, предвосхищение изменения мира профессий и места человека в трудовой деятельности [2; 13; 14; 19; 20]).

2. В области образования формируются новые идеи, формы и механизмы реализации подготовки высококвалифицированных кадров, ориентированные на гибкость и становление субъектности в профессиональном поле. В частности, в области идей можно выделить концепцию непрерывного образования или образования через всю жизнь, индивидуальных образовательных траекторий и т. п. На уровне форм подготовки высококвалифицированных специалистов можно выделить идею сетевой организации процесса профессионального образования как интеграции социальных институтов науки, образования и производства, общества вообще [15]. Особую форму, предполагающую доступность успешных мировых практик профессиональной подготовки на основе информационных технологий и систем коммуникации, составляют научные и образовательные ивенты (события) разной масштабности, массовые открытые онлайн-курсы [11], коворкинги и т. п. На уровне механизмов формируется уклон образовательных программ в сторону направленности и способностей личности (профилизация по разным основаниям), ориентация на проектные формы, более соответствующие компетенциям как результату профессиональной подготовки, и т. д.

3. На уровне госрегулирования разрабатывается или совершенствуется нормативная база взаимодействия науки, образования и бизнеса, внедряются практико-ориентированные модели управления системой науки и образования в проектной форме на основе бизнес-моделей с определением лидеров, руководителей, ответственных исполнителей, выделением ключевых показателей эффективности (КПИ), процессами внедрения инноваций и т. п.

Несмотря на это, проблема управления человеческим ресурсом в масштабах страны слабо представлена именно в гуманитарном измерении. На сегодняшний день формы психологической и психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения и становления существуют как отдельные практики, но не как система, которая должна вносить синергетический эффект в экономические и политические аспекты подготовки высококвалифицированных кадров для инновационной экономики и рабочей силы, поддерживающей актуальные сферы воспроизводства материальных и нематериальных благ и существующие в обществе инфраструктуры [4; 6; 24].

Литература

1. Анцыферова Л. И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. — М.: Академический проект, 2000 — 320 с.

2. Атлас новых профессий 2.0. [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/reports/34983/> (дата обращения — 07.05.2019).

3. Вандакурова Е. В. Управление профессиональным самоопределением студентов // Профессиональное образование и рынок труда. — 2014. — № 8. — С. 36–37.

4. Деркач А. А., Сайко Э. В. Субъектность субъекта в акмеологическом развитии и проблемы его субъектного самоосуществления // Мир психологии. — 2008. — № 3. — С. 205–219.

5. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. — 2000. — № 4. — С. 63–77.

6. Заводчиков Д. П. Теоретико-методологические предпосылки категории профессионального будущего как ресурса профессионального становления // Современная высшая школа: инновационный аспект. — 2015. — № 3. — С. 17–24.

7. Зарубин П. В., Сырцова А. Временная перспектива и экономическая нестабильность: сравнительное исследование 2007 и 2013 гг. // Психологические исследования. — 2013. — № 32. — Т. 6. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru>. (дата обращения — 07.05.2019).

8. Иванова Н. Л., Конева Е. В. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности: монография. — Ярославль: ЯГУ им. П. Г. Демидова, 2003. — 132 с.

9. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение

в трансспективный анализ). — Томск: Томский государственный университет, 2005. — 174 с.

10. Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий — прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. — 2011. — № 1–2. [Электронный ресурс] // URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=38178 (дата обращения — 07.05.2019).

11. Конанчук Д. С. EdTech: новая технологическая платформа в образовании // Университетское образование: практика и анализ. — 2013. — № 5 (87). — С. 65–73.

12. Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. — 2001. — № 1. — С. 57–65.

13. Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ [Электронный ресурс] // Nano News Net. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/georgii-malinetskii-doklad-o-perspektivakh-rf> (дата обращения — 07.05.2019).

14. Навыки будущего [Электронный ресурс] // Global Education Futures. URL: http://futuref.org/futureskills_ru (дата обращения — 07.05.2019).

15. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. — 2008. — № 7. — С. 61–75.

16. Отчет BCG «Россия-онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике» [Электронный ресурс] // The Boston Consulting Group. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf (дата обращения — 07.05.2019).

17. Пахомова Е. А. Система государственно-общественного управления профессиональным самоопределением обучающихся // Профессиональное образование в России и за рубежом — 2016. — № 3(23). — С. 9–15.

18. Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017 «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения — 07.05.2019).

19. Шваб К. Четвертая промышленная революция. — М.: Эксмо, 2016 — 138 с.

20. Ялалов Ф. Г. Профессиональная многомерность: монография. — Казань: Центр инновационных технологий, 2013. — 180 с.

21. Lent R. W., Brown S. D. Social cognitive model of career self-management: Toward a unifying view of adaptive career behavior across the life span // Journal of counseling psychology. — 2013. — № 4(60). — Pp. 557–568. Available from: <http://dx.doi.org/10.1037/a0033446>.